

КАЧЕЛИ

Нелепые порывы,
как в кинофильмах ретро,
у моря над обрывом
раскачиваться с ветром.
Кроссовок отпечатки
травмируют песок,
качнув с носка на пятку
и с пятки на носок.

Расправив шире плечи,
чтоб парусность опорой,
направляюсь я на встречу
с ветрами из Босфора,
а может быть, из Истра,
Гипаниса чуток.
То медленно, то быстро,
то пятка, то носок.

Как новости к газете,
причём свежи на диво,
ветра тысячелетий
слетаются к обрыву.
Времён ушедших запах
смешает ветра ток.
Качнёшься – это Запад,
обратно же – Восток.

Всё было. Столько было.
Оборванные боли.
Погосты и могилы,
курганы в Диком поле.
Бездонные глубины:
античность, неолит...
Но сквозь любые длины
ушедшее болит.

Всё прошлое – как тризны,
живём мы на земле,
где мириады жизней
размешаны в золе.
Нужна такая память?
Срок давности истёк.
А может быть, стихами?
И вновь скрипит песок.

Обманывает Запад,
войной идёт Восток,
а я сегодня занят –
то пятка, то носок.
Глупейшие заботы,
колдует идиот.
Но, может, где-то кто-то
впервые не умрёт?

Пришествие реки
к озёрному покою.
Там стелется туман
и ни к чему весло.
Щетиной топляки –
Венечия и Троя.
И оторопь ума –
куда так занесло?

Не это ли затон,
куда текут все воды?
Концы любых концов,
концы времён на дне,
И действует закон
безмыслия природы –
без грёз, без снов, без слов,
бессмысленно вполне.

Но смыслы, как мальки,
махнут во тьму гурьбою,
в подкормку, как под лёд,
в сознании двоясь.
Где греют родники
водою ледяною
заветный первород –
межбуквенную связь.

У РАЗВАЛИН ХРАМА АФРОДИТЫ

Адресность в истории бесценна.
Говорили, есть взаимосвязь
бухты, где волнение взбило пену,
с тем, что в ней богиня родилась.

У развалин храма Афродиты
колкие бессмертника цветы.
Столько лет... Молитвы все забыты
божеству любви и красоты.

Ныне рядом с храмом, хоть размеры
деревенской площади малы,
«Калиспэра»¹, слышно, «Калиспэра»²,
к свадьбе накрываются столы.

Детвора сбивает с ног туристов,
микрофон тестирует певец,
а соседи в переулке быстро
загоняют во дворы овец.

У кого любовь, а праздник людям,
хочется красиво и счастливо,
и уже гостям подносят блюда,
по рукам пошло вино и пиво.

Чем не боги здешние крестьяне?
Искрометны, веселы, небриты.
Сам Гефест меня на лавку тянет,
наливает узо Афродита.

Трезвые намеренья благие
сметены стремительной атакой.
А за сценой юные богини
рьяно репетируют сиртаки.

У развалин храма Афродиты
юная жена вздохом рыдает,
на смерть все мечты её разбиты,
муж признал, что есть ещё другая.

Что никак он не хотел жениться,
только настояли папа с мамой,
а теперь ну разве утопиться...
Вот и новогреческие драмы.

Почему так много идиотов?
О богиня, вразумил бы кто-то.

¹ Святилище Афродиты в городе Палео Пафос на о. Кипр, построенное неподалёку от места, где, по легенде, родилась богиня, служило до 4 века н.э. более 1400 лет.

² Каллиспэра (*греч.*) – Добрый вечер.

КОГДА ВСЁ ПО БАРАБАЛУ

Человеческой природой
восхищаться не устану.
Нет счастливее в народе
тех, кому по барабану.

Наплевать, что неприлично,
они поняли давно –
то, что не коснётся лично,
это пофиг, всё равно.

И ещё секрет счастливых:
чтоб крепилась благодать,
негатива (кроме пива)
лучше в голову не брать.

Хорошо секрет известен
пофигистам разных стран,
только разговор уместен,
а при чём тут барабан?

А притом. Одна из версий –
у военных неспроста
барабан висит на месте,
что пониже живота.

Кстати, «пофиг» выраженье
всё про то ж расположение,
эротический намёк
пряма на фиговый листок.

Человеческой природе
сложно в тяготах и страхе.
Нет счастливее в народе
посылающих всех на хер.
Только чья ж она вина,
что несчастна та страна?

ПОЗИТИВ

Со временем становится противней
пиар о достижениях в стране.
Но мысли о здоровом позитиве
нет-нет, да и являются ко мне.

Я ничего сильнее не нашёл,
чем позитив – всё будет хорошо.

Лекарство для души и тьма примеров
давно и ныне, близко и далече.
Три слова, а по сути – символ веры,
присущей всей природе человечьей.

Молитва, заклинанье, утешенье...
Когда тебя пошлют, а ты пошёл,
не стоит торопиться с огорченьем.
Ведь шансы есть. Всё будет хорошо.

РАВЕННА

Как бы не было грустно,
несправедливо, зря,
реки меняют русла,
суша теснит моря.

Если ушли глубины,
на берегу пустом
мрут города-рыбины,
воздух хватая ртом.

Но сохранив бесценный
римских базилик стиль,
словно вдова, Равенна
будет свой крест нести.

Чтобы воздать по вере
тем, давно неживым,
кто красоту империи
создал, кто строил Рим.

МЕСТО ПРИЛОЖЕНИЯ ЛЮБВИ

Это место приложения любви:
дом, семья, машины, гаражи,
офисы, заводы, чертежи,
замки, кафедралы, витражи,
море, лес и горы, виражи,
собственная иль чужая жизнь...
что угодно – только приложи!

АКВАРЕЛЬ

Как близорукость, живопись права,
когда видны не листья, а листва.
И в той листве, как в море штормовом,
дрейфует дом.

А в нём в тревоге, за окном
стоит семья.
И явленный всего одним мазком,
как будто, я.

И дом по зелени плавёт –
почти баркас.
Куда волной его снесёт
на этот раз?

Конечно, кистью правит стиль –
где явь, где сон?
На листья б резкость навести,
и дом спасён.

ОЖИДАНИЕ

Листья замерли в ожидании,
или с ветром какой-то знак
будет подан, и по желанию
можно падать хоть так, хоть сяк.

Но платанов подмёрзли кроны,
у презимья, знать, аудит,
ни туда, ни сюда вороны,
взад-вперёд никто не рулит.

Словно предохранитель выбило,
обесточен дворцовый парк...
Без привычных пульсаций выбора
не работает жизнь никак.

Так ли эдак, с верхушек веток
листья сбросят на гладь пруда.
То ль к ответу, но точно в Лету
этапирует их вода.

ОТСРОЧКА

Сестра её учила умирать.
Ведь тело – это только оболочка.
И в деле, где бессильны доктора,
ну, просто глупо не урвать отсрочку.

Наукой не изучено пока,
сколь сила несогласья велика.

Конечно, все отсрочки – до поры,
а срок реальный где-то в сердце носим.
Но умерли врачи, и нет сестры...
Она ж звонит из Рима, Анкары:
«Ты как, живой? Ещё попылесосим¹!».

¹ Слово из стихов Владимира Друка.

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

Когда умрёт последний мой знакомый,
наполненный сознанием беды
я выскочу отчаянно из дома,
чтобы знакомств пополнились ряды.

Но город пуст, как будто в целом мире
исчезли все. Кому кричать: «Come back»?
Когда-то выскочит вот так же из квартиры
последний на планете человек.

Люди смертны, грядущее лихо
повсеместно смущает умы.
Но кому-то является выход,
как монашек из храмовой тьмы.

Пусть молитвы звучат невпопад,
и от ладана головы кружатся,
это очень полезный обряд –
приручение смертного ужаса.

Когда мир переполнен грехом,
актуален библейский рассказ.
Я уйду, ты уйдёшь, что потом?
Что потоп? Что придёт после нас?